

«Детское чтение для сердца и разума».
Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

11

2020 (257)

6+

етская

ИМЕНА:
И. Бунин

БУХТИНЫ:
Про деда Пихто

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
Врата Красной площади

И. С. Тургенев
Рассказы и сказки для детей

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Художник Б. Мишин

Дорогие друзья!

Этот год для нашего журнала юбилейный. Ровно 25 лет назад, в 1995 году, вышел в свет первый номер «Детской Роман-газеты». Валерий Николаевич Ганичев, тогдашний главный редактор, Юрий Леонидович Коннов, главный художник и остальные акционеры «Роман-газеты» придумали и учредили «дочку» нашего основного журнала — издание для детей. «Чтение для сердца и разума» — эти знаменитые слова стали нашим девизом.

За 25 лет многое поменялось: журнал стал выходить не 6, а 12 раз в год, появились новые рубрики, вкладка на мелованной бумаге, где мы печатаем репродукции картин... Появляются новые авторы и художники. Вырастают наши маленькие читатели, а на смену им приходят новые. Неизменным остается тематика журнала. Мы по-прежнему делаем упор на публикацию произведений русской классики, стараемся знакомить читателей с малоизвестными и зачастую незаслуженно забытыми авторами прошлого. Мы стараемся сохранить уникальное художественное оформление издания, бережно сохраняем «Страничку детского творчества» и «Наш вернисаж», где неизменно ждём ваши работы, наши дорогие юные читатели!

Два заключительных номера этого года мы решили составить из материалов прошлых лет — чтобы напомнить о наших славных публикациях. Надеемся, вас эти выпуски тоже порадуют и запомнятся надолго.

РЕДАКЦИЯ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Общероссийская общественная организация

П Р А В Л Е Н И Е

Союз писателей России поздравляет редакцию журнала «Детская Роман-газета» с 25-летним юбилеем! Желает дальнейших творческих успехов на долгие годы!

Правление Союза писателей России

В. Перов
Охотники на привале
1871 г.

В номере:

3 И. С. Тургенев
Рассказы и сказки для детей

17 РУССКИЙ МУЗЕУМ
Константин Коровин
Алексей Саврасов: «Главное есть созерцание...»

21 УГОЛОК РОССИИ
Илья Толстой
Свет Ясной Поляны

24 СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК
Капитолина Родионова
Лесной хозяин

25 БУХТИНЫ
Вячеслав Свальнов
Про деда Пихто

26 ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ
Василий Песков
Лесные границы

28 РАССКАЗЫ
Владимир Волков
Моргасик

30 ЖИВОЙ УГОЛОК
Ирина Пермячка
Крикун

31 ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ
Весёлая буква

31 ИГРОТЕКА
На рынке

32 ИМЕНА
Иван Бунин
О Чехове

34 ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ
Врата Красной площади

36 СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное

редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Евгений Шишкин

Компьютерная вёрстка

и цветоделиение

Александр Муравенко

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства «**Роспечать**»

72766 на полугодие, **71899** на год;

в объединённом каталоге

«**Пресса России**»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге

«**Почта России**»

П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68349 от 30.12.2016 г.

Подписано в печать 27.10.2020

Отпечатано в АО «Красная Звезда»

125284, Россия, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 1350 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 5319-2020

© «Роман-газета», 2020 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

И. С. Тургенев

Рассказы и сказки для детей

Художник Н. Устинов

Перепёлка

Мне было лет десять, когда со мной случилось то, что я вам сейчас расскажу.

Дело было летом. Я жил тогда с отцом на хуторе, в южной России. Кругом хутора на несколько вёрст тянулись степные места. Ни лесу, ни реки близко не было; неглубокие овраги, заросшие кустарником, точно длинные зелёные змеи, прорезали там и сям ровную степь. Ручейки сочились по дну этих оврагов; кой-где, под самой кручью, виднелись роднички с чистой, как слеза, водою; к ним вели протоптанные тропинки — и возле воды, на сырой грязи, перекрещивались следы птиц и мелких зверьков. Им хорошая вода так же нужна, как и людям.

Отец мой был страстным охотником; и как только не был занят по хо-

зяйству — и погода стояла хорошая, — он брал ружьё, надевал ягдташ, звал своего старого Трезора и отправлялся стрелять куропаток и перепелов. Зайцами он пренебрегал, предоставляя их псовым охотникам, которых величал борзятниками. Другой дичи у нас не водилось, разве вот осенью налетали вальдшнепы. Но перепелов и куропаток было много, особенно куропаток. По опушкам оврагов то и дело попадались разрытые кружки сухой пыли, местечки, где они копались. Старый Трезор тотчас делал стойку, причем его хвост дрожал и кожа на лбу сдвигалась складками; а у отца лицо бледнело — и он осторожно взводил курки. Он часто брал меня с собою... Большое это было для меня удовольствие! Я засовывал штаны в голенища, надевал черз

плечо фляжку — и сам воображал себя охотником! Пот лил с меня градом, мелкие камешки забивались мне в сапоги; но я не чувствовал усталости и не отставал от отца. Когда же раздавался выстрел и птица падала, я всякий раз подпрыгивал на месте и даже кричал — так мне было весело! Раненая птица билась и хлопала крыльями то на траве, то в зубах Трезора — с неё текла кровь, а мне всё-таки было весело, и никакой жалости я не ощущал. Чего бы я ни дал, чтобы самому стрелять из ружья и убивать куропаток и перепелов! Но отец объявил мне, что раньше двенадцати лет у меня ружья не будет; и ружьё он мне даст одноствольное, и стрелять позволит только жаворонков. Этих жаворонков в наших местах водилось множество; бывало, в хороший солнечный день целые десятки их вились на ясном небе, поднимаясь всё выше и выше и звеня, как колокольчики. Я глядел на них как на свою будущую добычу и прицеливался в них палочкой, которую носил на плече вместо ружья. Попасть в них очень легко, когда они в двух, трёх аршинах от земли останавливаются в воздухе и трепещутся, прежде чем вдруг плюхнуться в траву. Иногда далеко в поле, на жнивье или на зеленях, торчали драхвы; вот, думалось мне, такую большую штуку убить — да после этого и жить не надо! Я указывал на них отцу; но он всякий раз говорил мне, что драхва — птица осторожная и человека близко не подпускает. Однако раз он попытался подкрасться к одинокой драхве, полагая, что она подстреленная и отстала от своего стада. Велел Трезору идти за ним следом — а мне так и вовсе остаться на месте; зарядил ружьё картечью, ещё раз обернулся к Трезору, даже пригрозился ему, шёпотом скомандовал: «Аррьер! аррьер!», скорчился в три погибели и пошёл — не прямо к драх-

ве, а стороною. Трезор хоть и не скорчился, но выступал тоже очень удивительно: раскорякой — и хвост поджал, и одну губу закусил. Я не вытерпел и чуть не ползком отправился за отцом и за Трезором. Однако драхва и на триста шагов нас не подпустила; сперва побежала, потом замахала крыльями и полетела. Отец выстрелил и только вслед ей посмотрел... Трезор выскочил вперёд и тоже посмотрел. Посмотрел и я... и так мне обидно стало! Что бы, кажется, ей ещё немного подождать! Картечь непременно бы её достала!

Вот однажды мы с отцом отправились на охоту — под самый Петров день. В то время молодые куропатки ещё малы бывают, отец не хотел их стрелять и пошёл в мелкие дубовые кустики, возле ржаного поля, где всегда попадались перепела. Косить там было неудобно — и трава долго стояла нетронутая. Цветов росло там много: журавлиного горошку, кашки, колокольчиков, незабудок, полевых гвоздик. Когда я ходил туда с сестрой или с горничной, то всегда набирал их целую охапку; но когда я ходил с отцом, то цветов не рвал: я находил это занятие недостойным охотника.

Вдруг Трезор сделал стойку; отец мой закричал: «Пиль!» — и из-под самого носа Трезора выскочила перепёлка — и полетела. Только полетела она очень странно: кувыркалась, вертелась, падала на землю — точно она была раненая или крыло у неё надломилось. Трезор со всех ног бросился за нею... он этого не делал, когда птица летела как следует. Отец даже выстрелить не мог, он боялся, что зацепит дробью собаку. И вдруг смотрю: Трезор наддал — и цап! Схватил перепёлку, принёс и подал её отцу. Отец взял её и положил себе на ладонь, брюшком кверху. Я подскочил. «Что это, говорю, она ране-

ная была?» — «Нет, — ответил мне отец, — она не была раненая, а у ней, должно быть, здесь близко гнездо с маленькими, и она нарочно притворилась раненой, чтобы собака могла подумать, что её легко поймать». — «Для чего же она это делает?» — спросил я. «А для того, чтобы отвести собаку от своих маленьких. Потом бы она хорошо полетела. Только на этот раз она уж слишком притворилась — и Трезор её поймал». — «Так она не раненая?» — спросил я опять. «Нет... но живой ей не быть... Трезор её, должно быть, даванул зубом». Я пододвинулся ближе к перепёлке. Она неподвижно лежала на ладони отца, свесив головку, — и глядела на меня сбоку своим карим глазком. И мне вдруг так жаль её стало! Мне показалось, она смотрит на меня и думает: «За что же я умирать должна? За что? Ведь я свой долг исполняла; маленьких своих старалась спасти, отвести собаку подальше — и вот попалась! Бедняжка я! бедняжка! Несправедливо это! Несправедливо!»

«Папаша! — сказал я, — да, может быть, она не умрёт...» — и хотел погладить перепёлочку по головке. Но отец сказал мне: «Нет! Вот посмотри; у ней сейчас лапки вытянутся, она вся затрепещется и закроются её глаза». Так оно точно и случилось. Как только у неё закрылись глаза — я заплакал. «Чему ты?» — спросил отец и засмеялся. «Жаль мне её, — сказал я. — Она долг свой исполняла — а её убили! Это несправедливо!» — «Она схитрить хотела, — ответил мне отец. — Только Трезор её перехитрил». «Злой Трезор! — подумал я... да и сам отец показался мне на этот раз недобрым. — Какая же тут хитрость? Тут любовь к детёнышам, а не хитрость! Если ей приказано притворяться, чтобы детей своих спасти, — так не следовало Трезору её поймать!» Отец хотел было сунуть

перепёлку в ягдташ, но я её у него выпросил, положил её бережно в обе ладони, подышал на неё... не очнётся ли она? Однако она не шевелилась. «Напрасно, брат, — сказал отец, — её не воскресишь. Вишь, головка у неё болтается». Я тихонько приподнял её за носик; но только я отнял руку — головка опять упала. «Тебе всё её жаль?» — спросил меня отец. «А кто же маленьких кормить будет?» — спросил я в свою очередь. Отец пристально посмотрел на меня. «Не беспокойся, говорит, самец-перепел, отец, их выкормит. Да вот постой, — прибавил он, — никак Трезор опять стойку делает... уж это не гнездо ли? Гнездо и есть».

И точно... в траве, в двух шагах от Трезоровой морды, тесно, рядышком лежали четыре птенчика; прижались друг к дружке, вытянули шейки — и все так скоро, в один раз дышат... точно дрожат! А уж оперились; пуху на них нет — только хвостики ещё очень короткие. «Папа! папа! — закричал я благим матом... — отзови Трезора! а то он их тоже убьёт!»

Отец крикнул на Трезора и, отойдя немного в сторону, присел под кустик, чтобы позавтракать. А я остался возле гнезда, не захотел завтракать. Вынул чистый платок, положил на него перепёлку... «Смотрите, мол, сиротки, вот ваша мать! Она собой для вас пожертвовала!» Птенчики по-прежнему дышали скоро, всем телом. Потом я подошел к отцу. «Можешь ты мне подарить эту перепёлочку?» — спросил я его. «Изволь. Но что ты хочешь с ней сделать?» — «Я хочу её похоронить!» — «Похоронить?!» — «Да; возле её гнездышка. Дай мне твой нож; я ей могилочку вырою». Отец удивился. «Чтоб детки к ней на могилу ходили?» — спросил он. «Нет, — отвечал я, — а так... мне хочется. Ей будет тут хорошо ле-

жать, возле своего гнезда!» Отец ни слова не промолвил; достал и подал мне нож. Я тотчас вырыл ямочку; поцеловал перепёлочку в грудку, положил её в ямочку — и засыпал землёю. Потом я тем же ножом срезал две ветки, очистил их от коры, сложил их крестом, перевязал былинкой и воткнул в могилку. Скоро мы с отцом пошли дальше; но я всё оглядывался... Крест был беленький — и далеко виднелся.

А ночью мне приснился сон: будто я на небе; и что же? На небольшом облачке сидит моя перепёлочка, только тоже вся беленькая, как тот крестик! И на голове у неё маленький золотой венчик; и будто это ей в награду за то, что она за своих детей пострадала!

Дней через пять мы с отцом пришли опять на то же место. Я и могилку нашёл по кресту, который хоть и пожелтел, но не свалился. Однако гнёздышко было пусто, птенчиков ни следа. Мой отец меня уверил, что старик их увёл, их отец; и когда, в нескольких шагах оттуда, вылетел из-под куста старый перепел, он его стрелять не стал... И я подумал: «Нет, папа добрый!»

Но вот что удивительно: с того дня пропала моя страсть к охоте и я уже

не думал о том времени, когда отец подарит мне ружьё! Однако, когда я вырос, я тоже начал стрелять; но настоящим охотником не сделался. Вот ещё что меня отучило.

Раз мы вдвоём с товарищем охотились на тетеревов. Нашли выводок. Матка вскочила, мы выстрелили и попали в неё; но она не упала, а полетела дальше, вместе с молодыми тетеревятами. Я было хотел пойти за ними; но товарищ сказал мне: «Лучше здесь присесть и подманить их... все сейчас здесь будут». Товарищ отлично умел свистать, как свищут тетеревята. Мы присели; он стал свистать. И точно: сперва один молодой откликнулся, потом другой, и вот слышим мы: сама матка квохчет, да нежно так — и близко. Я приподнял голову — вижу: сквозь спутанные травяные былинки идёт она к нам, спешит, спешит, а у самой вся грудь в крови! Знать, не вытерпело материнское сердце! И тут я самому себе показался таким злодеем!.. Встал и захлопал в ладоши. Тетёрка тотчас же улетела — и молодые затихли. Товарищ рассердился; он за сумасшедшего меня счёл... «Ты, мол, испортил всю охоту!»

Но мне с того дня всё тяжелей и тяжелей стало убивать и проливать кровь.

В о р о б е й

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

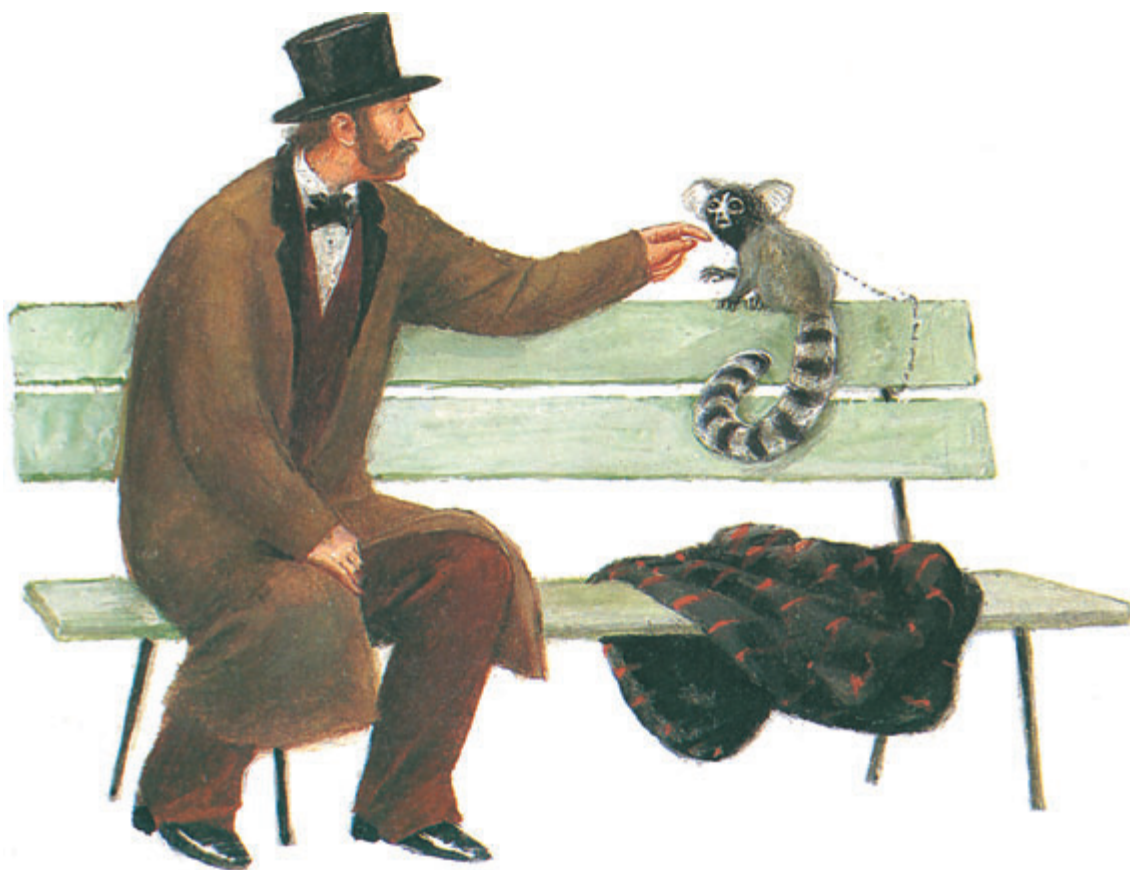
Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса — и удалился, благоговей.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Апрель, 1878

Морское плавание

Я плыл из Гамбурга в Лондон на небольшом пароходе. Нас было двое пассажиров: я да маленькая обезьяна, которую один гамбургский купец отправлял в подарок своему английскому компаньону.

Она была привязана тонкой цепочкой к одной из скамеек на палубе и металась, и пищала жалобно, поптичы.

Всякий раз, когда я проходил мимо, она протягивала мне свою чёрную холодную ручку — и взглядывала на меня своими грустными, почти человеческими глазёнками. Я брал её руку — и она переставала пищать и метаться.

Стоял полный штиль. Море растянулось кругом неподвижной скатертью свинцового цвета. Оно казалось невеликим; густой туман лежал на нём, заволакивая самые концы мачт, и слепил, и утомлял взор своей мягкой мглою. Солнце висело

тускло-красным пятном в этой мгле; а перед вечером она вся загоралась и алела таинственно и странно.

Длинные прямые складки, подобные складкам тяжёлых шёлковых тканей, бежали одна за другой от носа парохода и, всё ширясь, морщась да ширясь, сглаживались наконец, колыхались, исчезали. Взбитая пена клубилась под однообразно топотающими колёсами; молочно белея и слабо шипя, разбивалась она на змеевидные струны — а там сливалась, исчезала тоже, поглощённая мглою.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякал небольшой колокол у кормы.

Изредка всплывал тюлень — и, круто кувыркнувшись, уходил под едва возмущённую гладь.

А капитан, молчаливый человек с загорелым сумрачным лицом, курил короткую трубку и сердито плевал в застывшее море.

На все мои вопросы он отвечал отрывистым ворчанием; поневоле приходилось обращаться к моему единственному спутнику — обезьяне.

Я сидел возле неё; она переставала пищать — и опять протягивала мне руку.

Снотворной сыростью обдавал нас обоих неподвижный туман; и погружённые в одинаковую, бессознатель-

ную думу, мы пребывали друг возле друга, словно родные.

Я улыбаюсь теперь... но тогда во мне было другое чувство.

Все мы дети одной матери — и мне было приятно, что бедный зверёк так доверчиво утихал и прислонялся ко мне, словно к родному.

Ноябрь, 1879

Капля жизни

У одного бедного мальчика заболели отец и мать; мальчик не знал, чем им помочь, и сокрушался.

Однажды кто-то и говорит ему: есть одна пещера, и в этой пещере ежегодно в известный день на своде появляется капля, капля чудодейственной живой воды, и кто эту каплю проглотит, тот может исцелять не только недуги телесные, но и душевные немощи.

Скоро ли, долго ли, неизвестно, только мальчик отыскал эту пещеру и проник в неё. Она была каменная, с каменным растрескавшимся сводом.

Оглядевшись, он пришел в ужас — вокруг себя увидел он множество гадов самого разнообразного вида, со-

злыми глазами, страшных и отвратительных. Но делать было нечего, он стал ждать. Долго ждал он. Наконец видит: на своде появилось что-то мокрое, что-то вроде блестящей слизи, и вот понемногу стала навёртываться капля, чистая, как слеза, и прозрачная. Казалось, вот-вот она набухнет и упадет. Но едва только появилась капля, как уже все гады потянулись к ней и раскрыли свои пасти. Но капля, готовая капнуть, опять ушла.

Нечего делать, надо было опять ждать, ждать и ждать.

И вдруг снова увидел он, что мимо него, чуть не касаясь щёк его, потянулись кверху змеи, и гады разину-

ли пасть свою. На мальчика нашёл страх — вот-вот, он думал, все эти твари бросятся на меня, вонзят в меня свои жала и задушат меня; но он справился с своим ужасом, тоже потянулся кверху, и — о чудо! Капля живой воды капнула ему прямо в раскрытый рот. Гады зашипели, подняли свист, но тотчас же посторонились от него, как от счастливого,

и только злые глаза их поглядели на него с завистью.

Мальчик недаром проглотил эту каплю — он стал знать всё, что только доступно человеческому пониманию, он проник в тайны человеческого организма и не только излечил своих родителей, — стал могуществен, богат, и слава о нём далеко прошла по свету.

С а м о з н а й к а¹

I

Жили-были два мальчика — два брата. Один из них был самоуверен и нерассудителен, другой — рассудительно-мнителен. Первого из них звали Самознайкой, так как он ни над чем не задумывался и постоянно восклицал: «О! Это я знаю... это я знаю!» Другого мы будем называть просто — Рассудительный. Это же были не настоящие их имена, а прозвища. В окрестностях, где жили мальчики, был старый, густой и заброшенный сад, и сказали им, что в этом саду есть пещера и что тот, кто найдёт её и проникнет, получит клад; но чтоб войти в неё, надо произнести два слова и чтоб каждое слово состояло из трёх слогов.

Самознайка и говорит брату: «Пещера?! Какая пещера?! О, я знаю, я её видел, я сейчас же пойду и найду её».

Пошёл. Долго искал, страшно устал и ничего не нашёл.

Рассудительный, напротив, стал мало-помалу расспрашивать старых людей, и один дряхлый, очень дряхлый садовник указал ему спрятанную в зелени голубую дверку.

— Вот тут пещера, — сказал он.

— Ну, так и есть, я знал, что голубая дверка, — заметил Самознайка, когда брат рассказал ему о своём открытии. — Я это знал, я мимо неё проходил... и тотчас же пойду, скажу два слова и войду в неё.

Побежал, наговорил кучу трёхсложных по паре слов; но дверка не отворилась.

Вслед за ним пошёл Рассудительный и сказал: «Пещера! Отворись!»

И она отворилась. И вошёл он в сумрачный грот и видит: в гроте сидит зелёная женщина или фея. Очень удивился.

Зелёная фея приняла его недружелюбно; он ясно видел, что она на него зла и что ей досадно.

— Ну, хорошо, — сказала она, — я отдам тебе клад, только с условием — возьми, съешь это зелёное яблоко, я хочу тебя им угостить.

Рассудительный подумал, подумал и не взял этого яблока. «Ведь она, — рассуждал он, — меня приняла недружелюбно, из каких же благ она станет угощать меня?»

— Нет, — сказал он, — я лучше приду в другое время. — Не взял у неё яблока и ушёл. Рассказал об этом брату.

— Ах, какой же ты, как тебе не стыдно! — стал стыдить его брат. —

¹ Сказка «Самознайка» написана для старшего сына Я. П. Полонского — Александра и была записана Полонским со слов И. С. Тургенева.

Феи всегда угощают яблоками, я это слышал... Я это знаю...

И тотчас же побежал в пещеру.

— Пещера, отворись!

Пещера отворилась. Самознайка смело вошел и, увидевши зелёную женщину, тотчас же взял яблоко и стал его есть. Съел и вдруг чувствует, что формы его меняются, что он всё делается меньше, меньше и меньше...

Фея превратила его в ящерицу.

II

Рассудительный долго ждал брата и не дождался. Он знал, что брат побежал в пещеру, и пошёл его искать.

— Где мой брат? — спрашивает он зелёную женщину.

— Не знаю, — отвечает ему зелёная женщина.

Он поглядел ей в глаза и усомнился.

— Ну, я до тех пор не выйду, пока ты мне не скажешь, где мой брат.

Зелёная женщина знала, что, если человеческое существо в её гроте пробудет с ней два часа, она пропала — она должна будет уступить все свои сокровища и исчезнуть. Но до двух часов ещё оставалось немало времени, и она упрямилась.

Вдруг видит Рассудительный, что одна из ящериц подбегает к нему, поднимает свою головку, глядит ему в глаза, прижимает к себе свои передние лапки и даже, показалось ему, старается перекреститься...

«Уж не это ли мой брат?» — подумал Рассудительный.

— Не уйду, — сказал он решительно, — пока не увижу брата.

Время шло. Делать было нечего, фея произнесла какие-то каббалистические слова и дотронулась до ящерицы своим жезлом.

И вдруг эта ящерица стала пухнуть, пухнуть, расти, расти... вдруг шкурка её лопнула, и выскочил из неё Самознайка.

— Вот и я! — воскликнул он как ни в чём не бывало.

Зелёная же фея, чтоб как-нибудь избавиться от посещений их, предложила Рассудительному взять у неё на довольно большую сумму золота и серебра, с тем только, чтоб он уже больше не посещал её.

Рассудительный не был жаден — взял деньги и поделился с братом.

Получив деньги, Самознайка тотчас же отправился путешествовать.

Где-то на дороге заехал он в гостиницу, велел подать себе самый дорогой обед и — главное — устриц, о которых он слышал как о лакомом блюде и о котором не имел никакого понятия.

— Прикажете вскрыть? — спрашивает его слуга.

— Вскрыть! Какой вздор! Подайте мне их в целости: я не желаю, чтоб их вскрывали.

Ему приносят устрицы в раковинах. Он начинает их грызть и никак не может. Все смеются.

— Тьфу! Какие старые устрицы вы мне подали! — говорит Самознайка.

И уезжает, сопровождаемый хохотом всей трактирной прислуги.

Долго ли, коротко ли путешествовал наш Самознайка — неизвестно; известно только, что он поразстрижил все свои деньги и наконец заехал в какое-то очень далёкое и очень своеобразное государство. Тут узнал он, что царь хочет в саду своём построить павильон и выбирает для этого самых лучших архитекторов.

Самознайка тоже является к царю и уверяет его, что строить он умеет так, как никто, и что выстроит он ему не павильон, а чудо.

Царь, поражённый его молодостью, поручает ему постройку.

Строит, строит Самознайка и удивляет всех архитекторов — всё у него валится, а крыша покрывается картонной бумагой.

Наконец архитекторы докладывают царю, что Самознайка не только взялся не за свое дело, но не знает даже таблицы умножения.

Повели Самознайку на допрос. После допроса Самознайка сказал царю, что он всё знает, но что в государстве совсем не та арифметика и что там, у него, в его отечестве, считают совершенно иначе.

Оставили его достраивать павильон.

Пришёл сам царь и видит, что павильон оклеен бумагой и покрыт картоном. Царь так рассердился, что Самознайка осмелился обмануть его, что тотчас же велел его засадить в тюрьму.

(NB Здесь небольшой пропуск о том, как Рассудительный, узнавши, что брат его в тюрьме, решается ехать и во что бы то ни стало спасти его. Как он подкупает стражу и уговаривается с Самознайкой бежать из города. Всё им удается как нельзя лучше, но Самознайка уверяет брата, что он очень хорошо знает, какой дан караулам пароль и лозунг, и так забирается на заставе при выходе из города, что его ловят, опять сажают в тюрьму, по приказанию царя судят и присуждают к спринцовочной казни, изобретённой только в этом государстве и всегда совершаемой в присутствии всего двора.)¹

III

Давно уже Самознайка слышал об этой спринцовочной казни, и так как не раз видал в аптеках разные спринцовки, — думал, что эта казнь больше ничего, как потеха.

«Ну, — думает, — что за беда, что будут в меня брызгать... Всё это пустишки, всё вздор — эта казнь!»

¹ Комментарии Я. П. Полонского.

И очень храбрился он в своём заточении.

Наступил наконец и день самой казни. За ним пришли. Самознайка вдруг испугался — стал плакать и рваться.

Но как он ни плакал, как ни вырывался из рук, привели его в огромную залу, наполненную высшими представителями правосудия и придворными.

Царь сидел и смотрел на приготовления.

Самознайку раздели и посадили на возвышении, спиной к открытому окну.

Против скамьи, куда посадили Самознайку, стояла колоссальная спринцовка, поршень которой натягивался посредством особенного механизма с пружинами.

Спринцовку эту одним передним концом погрузили в огромный чан, и поршнем стали натягивать воду. Наконец поршень вытянули, закрепили и трубку стали нацеливать на Самознайку, который был бледен как смерть и весь дрожал от страха.

— Пуцай! — крикнул царь.

И вдруг из спринцовки, с шумом, точно выстрел, вылетела широкая струя холодной воды. Струя эта была так сильна, что Самознайка не мог удержаться и, подхваченный силой воды, вылетел вместе с нею в открытое настежь окошко.

IV

За окошком был царский фруктовый сад, где было множество вишен. Вишни эти были только что собраны, лежали на земле в виде громадных куч.

К счастью для Самознайки, он, вылетев из окошка, упал и ткнулся именно в одну из этих вишнёвых куч, и тотчас же весь зарылся в ягодах.

Царь немедленно приказал во что бы то ни стало, живого или мёртвого, отыскать его. Но сколько ни искали его в саду, никто нигде не мог отыскать его.

Царь очень рассердился, топнул ногой и объявил, что он всех судей, всех сторожей и даже жён и дочерей их подвергнет точно такой же спринцовочной казни.

Но все поиски оказались тщетными. Придворные трепетали за участь своих родных и знакомых.

В это время в городе оказался Рассудительный. Следя за участью брата, он узнал от придворных, что брат его пропал, точно улетел, что он, вероятно, какой-нибудь колдун и что беда, большая беда всем, если не найдут его.

Рассудительный подумал и отправился к царю.

— Так и так, — говорит, — позвольте мне отыскать Самознайку — может быть, я и найду его.

— Хорошо, — говорит царь, — ступай, ищи, и беда твоя, если ты мне не найдёшь его.

Рассудительный взял с собой коекого из прислужников, пошёл осматривать сад и подошёл к тому окошку, из которого вылетел несчастный брат его.

— Брат, где ты? Откликнись! — кричит Рассудительный.

Молчание.

— Самознайка! Где ты? Поддай голос! Ни гу-гу.

Самознайка, наевшись вишен, сидел в своей куче и не подавал голоса.

«Хорошо же!» — подумал Рассудительный и завёл разговор со своими провожатыми.

— А что, братцы, — спросил он, — знаете вы, сколько частей света?

Те подумали и отозвались незнанием.

— А я знаю! — пропищал чей-то голос из вишнёвой кучи. Самознайка

не вытерпел, чтоб не показать своего знания, и выдал себя. Его тотчас же и нашли, вытащили из кучи, всего выпачканного в вишнёвом соку, с сизыми губами и полным животиком.

Рассудительный не дал Самознайке ни вымыться, ни оправиться и, не без умысла, в таком виде повёл его к царю, — он знал, что царь расхохочется. И действительно, царь расхохотался и уже готов был Самознайку простить и пустить на все четыре стороны.

— Ха, ха, ха! — хохотал он. — Хорош! Хорош ты, клистирный архитектор!.. Ну, а разве ты не знаешь, сколько частей света?

— Знаю-с, — смело и весело отвечал Самознайка.

— Ну, сколько же, по-твоему?

— Шесть, — отвечал Самознайка. — Европа, Азия, Африка, Америка и Австралия.

— Тут только пять, какая же шестая?

Самознайка задумался. «Надо же что-нибудь отвечать, — подумал он. — Но какая же шестая?»

— Какая шестая?! — сказал он не без некоторой наглости, — а шестая часть света — это География.

— Не слыхал я о такой части света, — сказал царь, — а если есть такая часть света, то я дам тебе солдат в провожатые, велю держать тебя на цепи, чтоб ты не убежал; а ты садись верхом и поезжай в эту Географию, покажи им шестую часть света и привези мне оттуда фруктов — я хочу узнать, какие фрукты растут в Географии.

Что случилось далее с героем рассказа — Самознайкой, я не знаю. Приезд желанных гостей сделал то, что Тургеневу некогда было продолжать рассказ свой, а когда стал он продолжать его, меня уже не было: я был в Петербурге.

Правда, дети мои, вернувшись из Спасского, старались передать мне конец этой сказки, но мне показалось, что всё то, что они припомнили, не стоит записывать: выходила какая-то путаная и очень сложная история.

Замечу только, что отношения Тургенева к детям были самые нежно-заботливые, отеческие. Не раз он экзаменовал их и не раз приводил им в пример бедных крестьянских мальчиков, если замечал в них

какой-нибудь каприз, недовольство или нетерпение. Самые сказки о «Живой капле» и «Самознайке» в устах его имели педагогическую цель; он рассказывал их не просто ради приятного препровождения времени, и, смею думать, сказки эти оставляли кое-какие следы в уме детей: по крайней мере старший сын далеко уже не так часто говорил, что он знает то или это, до того прозвище Самознайки показалось ему обидным.

Серебряная птица и жёлтая лягушка

Басня (или сказка)

Жила-была маленькая зелёная лягушка, и была она злющая-презлющая. Сидела лягушка у подножия высокого дерева, в ветвях которого жила красивая и очень добрая серебряная птица с длинным хвостом. Однажды лягушка сказала птице: «Хотела бы я подняться на дерево и посмотреть, что можно увидеть оттуда, сверху, да не знаю, как это сделать». А птица ответила ей: «Я опущу тебе свой хвост, цепляйся за него, и я подниму тебя на ветки». И птица, которая была очень доброй, опустила свой хвост. Но лягушка, прицепившись к самому красивому перышку, и не думала подниматься.

«Что ты там делаешь?» — спросила птица. «Хочу вырвать твоё перо и сделать себе украшение», — отвечала лягушка и продолжала тянуть перо. «Ну погоди, злодейка!» — крик-

нула птица и взвилась высоко в небо, унося лягушку на своём хвосте. «Ке...ке...кекс...кса!» Что по-русски означает примерно: «Что такое! Как это так!» — закричала лягушка, ужасно испугавшись. «Ты хотела узнать, что видно сверху: вот и погляди!» Но лягушке было теперь не до того, и она закричала: «Смилуйся! Опусти меня на землю!» В это время птица пролетала над болотом и сказала: «Открой рот — ты попадёшь в грязь и не ушибёшься, там тебе будет очень хорошо». Лягушка открыла рот и — плюх — упала в болото.

Она и вправду не ушиблась, но болото было таким грязным и лягушка так струсила, что из зелёной стала совсем жёлтой... И осталась такой на всю жизнь. А серебряная птица улетела к своему дереву и запела чудесную песню утренней заре.

Степовик

У нас был сосед, человек уже немолодой, одинокий, но очень весёлый, разговорчивый, любивший рассказывать истории одну удивительнее другой. Он любил собирать нас, молодых людей, в кружок, усаживал подле себя и принимался за

свои небылицы. Сам чёрт не разобрал бы, что в них было правдой, а что выдумкой. «Ну, это уж слишком!» — бывало, кричали мы в конце концов. А он лишь посмеивался да говорил нам: «Поживите да поглядите вокруг хорошенько, то ли

ещё увидите!» Вот что он нам рассказал как-то вечером:

«Вы, верно, знаете, дети мои, бескрайние степи, что начинаются за Доном. Вёрст за сто отсюда. Я часто езжу туда на охоту, ибо хоть дичи там и нет, да перепёлок — что мух. Вот

однажды, в разгар сенокоса, оказался я поздно вечером в одной из этих степей и, не желая возвращаться в деревню, где блохи сожрали бы меня, решил провести ночь на одном из стогов, что, подобно огромным домам, возвышаются в эту пору вдоль Дона.

Надобна лестница, чтобы на них взобраться. А взобравшись, чувствуешь себя, как в раю. Итак, я вскарабкался на один из таких стогов, волоча за собою бедного моего пса, который давился и отчаянно кашлял. Вот мы и наверху. Я расстелил свой охотничий плащ, собака моя тотчас же зарылась в сено, и мы приготовились заснуть крепким сном, ибо устали изрядно, можете мне поверить. Но прежде надо было оглядеться вокруг. Боже, как это было красиво! Ночь царила везде: она зеленела внизу, синела сверху, серебрилась повсюду, а Дон — что за великолепная золотая лента, отливающая то атласом, то муаром! А какой аромат и как поют птицы! Ибо одни горожане воображают, что ночью птицы умолкают. А ветер, что нежно касается ваших щёк, после того, как разбудил и приласкал столько цветов! Испустив, по примеру моего пса, глубокий вздох, я уже собирался заснуть, как вдруг услышал, что кто-то ходит по стогу... Шаги были лёгкие, почти боязливые, однако направлялись они ко мне... Я приподнялся на локте и увидел нечто, что вас удивило бы так же сильно, как и меня, а может быть, и сильнее.

Я увидел перед собою сидящее на спине степной чайки крошечное существо ростом с локоток, похожее на человека, но сделанное из тех сухих веточек, что встречаются на дорогах и которыми пользуются птицы для постройки гнёзд; на его большой голове из зелёного мха был надет персидский колпачок из сухой соломки. Две круглые чёрные ягодки были у него вместо глаз, и, ей-Богу, казалось, он ими прекрасно видел; крючковатый корень служил ему носом, а пучок степной травы, называемой «ковыль», заменял бороду. На нём была крестьянская курточка из торфа, перепоясанная на бёдрах стебельком лопуха, и он важно переставлял свои ножки, обутые в башмачки со шпорами из бересты.

Не успел я прийти в себя от удивления, как человечек спрыгнул со своего коня, передал его кулику, которого я до сих пор не заметил и который, по-видимому, исполнял роль грума, а затем приблизился ко мне, спокойно уселся и, представившись самым серебристым на свете голоском, поздоровался, после чего спросил меня, хороша ли была охота».

Рисунок И. Тургенева

«Главное есть созерцание...»

Алексей САВРАСОВ

Лосиный остров в Сокольниках. 1869 г.

Алексей Кондратьевич Саврасов был профессором в Школе живописи, ваяния и зодчества в Москве, где я учился. Это был мой профессор, автор картины «Грачи прилетели» и многих других восхитительных картин, которые редко кто видел, так как они были не в галерее, а в частных собраниях.

Алексей Кондратьевич был огромного роста и богатырского сложения. Большое лицо его носило следы оспы. Карие глаза выражали беспредельную доброту и ум. Человек он был совершенно особенной кротости. Никог-

В. Перов. Портрет А. Саврасова. 1878 г.

да не сердился и не спорил. Он жил в каком-то другом мире и говорил застенчиво и робко, как-то не сразу, чмокая, стесняясь.

— Да, да. Уж в Сокольниках фиалки цветут. Да, да. Стволы дубов в Останкине высохли. Весна. Какой мох! Уж распустился дуб. Ступайте в природу, — говорит он нам. — Там — красота неизъяснимая. Весна. Надо у природы учиться. Видеть надо красоту, понять, любить. Если нет любви к природе, то не надо быть художником, не надо.

— А как, Алексей Кондратьевич, нужна в пейзаже даль — деревья большие и воды? — спросил его однажды ученик Мельников.

— Не знаю, — ответил Саврасов. — Не надо, а мо-

Волга. 1870 г.

жет быть, и надо. Я не знаю. Можно просто написать что хочется — хорошо только написать. Нужна романтика. Мотив. Романтика бессмертна. Настроение нужно. Природа вечно дышит, всегда поёт, и песнь её торжественна. Нет выше наслаждения созерцания природы. Земля ведь рай — и жизнь тайна, прекрасная тайна. Да, тайна. Прославляйте жизнь. Художник — тот же поэт.

— А как же писать, с чего начинать? — спрашивают его ученики.

— Не знаю, — опустив глаза, говорил Алексей Кондратьевич. — Нужно любить. Форму любить, краски. Понять. Нужно чувство. Без чувства нет произведения. Надо быть влюблённым в природу — тогда можно писать.

— А если я влюблён в музыку, — говорит ученик, —

то всё же, не умея, не сыграешь на гитаре.

— Да, да, — ответил Саврасов. — Верно. Но если он влюблён в музыку, то выучится и будет музыкант, а если нет, то трудно, ничего не будет.

Мы слушали Алексея Кондратьевича и были в восхищении. Шли в природу и писали с натуры этюды, и говорили друг другу, указывая: «это не прочувствовано», «мало чувства», «надо чувствовать» — всё говорили про чувства.

Как прекрасны вечера, закаты солнца, сколько настроений в природе, её впечатлений! Эта радость, как музыка, — восприятие души. Какая поэтическая грусть!

— Вот говорят, в Швейцарии настоящий пейзаж? — спросил как-то Саврасова кто-то из учеников.

— Да, в Швейцарии я был, был и в Италии. Прекрасно, — сказал Алексей Кондратьевич. — Но кому

Село Волынское. 1887 г.

Сосна. 1854 г.

что. А мне, конечно, в России нравится. В России природа поёт, разнообразие, весна какая, и осень, и зима. Поёт, всё поёт. Только небо прекрасно в Италии. А пейзаж в Швейцарии. А у нас нет разве неба, гор нет? Как быть? Да, плохо, нет озёр... Да... А там Женевское озеро. — Саврасов опустил голову в раздумье.

Помолчав, Алексей Кондратьевич встал, надел пальто, взял палку и собрался уходить из мастерской.

У двери он остановился и, подумав, сказал:

— Там, в Италии, было великое время искусства, когда и властители, и народ равно понимали художников и восхищались. Да, великая Италия. Теперь во Франции прекрасные художники. И у нас было искусство. Какое! Какие иконы! Новгородские. Прошло. Забыли. Мало, очень мало кто понимает. Жаль. Что делать! Да, бывает время, когда искусство не трогает людей. Музыка тоже. Глохнут люди.

Странно, что люди есть, которые понимают и чувствуют искусство, музыку, живопись. Да, а есть глухие, вечно слепые, не слышат и не видят. Есть такие. И их больше. Это совсем другие люди, и думают они как-то иначе. Я заметил это. Как быть...

И Саврасов, повернувшись, ушёл в дверь.

Часто я его видел в канцелярии, где собирались все преподаватели. Сидит Алексей Кондратьевич, такой большой, похож на доброго доктора — такие бывают. Сидит, сложив как-то робко, неуклюже свои огромные руки, и молчит, а если и ска-

Грачи прилетели. 1871 г.

Рожь. 1881 г.

Радуга. 1875 г.

Весна. 1883 г.

жет что-то — всё как-то не про то: про фиалки, которые уже распустились, про то, что вот уже голуби из Москвы в Сокольники летают. А придёт к нам в мастерскую редко, говорит: «Ступайте писать, — ведь весна, уж лужи, воробьи чирикают — хорошо. Ступайте писать, пишите этюды, изучайте, главное — чувствуйте». Кругом стоим мы и ждём, что скажет нам этот милый, самый дорогой наш человек. Стою я, Ордынский, Светославский, Левитан и другие. А Саврасов говорит, что даль уже сияет, на дубах кора высохла,

что писать нужно, только почувствовав, а подготавливать этюд, протирая битумом. И всем нам было понятно, и больше ничего было не нужно. Все эти классы, гипсовые головы, натурщики с красивыми ногами казались такой ненужной ерундой, что неизвестно, за каким чёртом это только заведено, и мы забывали и кордегардию, и трезвиловку (как мы прозвали эти классы).

«Ступайте в Сокольники, фиалки уже распустились», — говорил Алексей Кондратьевич. И мы шли, шли каждый день, с пятач-

ком в кармане, и то не у всех, а у богатых. И едва, для экономии, выдавленными красками писали и писали — и что выходило, кто знает? — немного похоже на натуру и очень хорошо.

Левитан не ходит в мастерскую, весна. «Где он? — спрашивает Алексей Кондратьевич. — Давно его нет. Он, очевидно, влюблён. Это ничего, что не ходит, он там думает».

Я был болен, жил со своей матерью в небольшой комнате, Алексей Кондратьевич навестил меня. Лицо у него было огорчённое, видно, что он переживал какие-то страдания, глубокие, душевные. Он был так добр со мной, говорил мне «ты»... «Ты не печалься — всё пройдёт, знай, что главное есть созерцание, чувство мотива природы. Искусство и ландшафты не нужны, где нет чувства. Молодость счастлива потому, что она молодость. Если молодость несчастлива, значит, нет души, значит, старая молодость, значит, ничего не будет и в живописи — только холод и машина, одна ненужная теория. Нужда в молодости нужна, без нужды трудно трудиться, художником трудно сделаться; надо быть всегда влюблённым, если это дано — хорошо, нет — что делать, душа вынута».

Я так любил слушать его удивительную искреннюю лиру, наполненную непосредственной волей... И когда он уходил, я видел его спину, рваное пальто и худые сапоги — слёзы душили меня.

(Из книги «Автобиографические рукописи»)

Свет Ясной Поляны

УГОЛОК
РОССИИ

Илья Толстой

Ясная Поляна! Ты открыта для каждого — для учителя и студента, для рабочего и инженера, для учёного, поэта, художника. Ты открыта для всех. Сюда приезжают люди за тысячи километров, как эта группа взволнованных экскурсантов из Омска или эти туристы-канадцы...

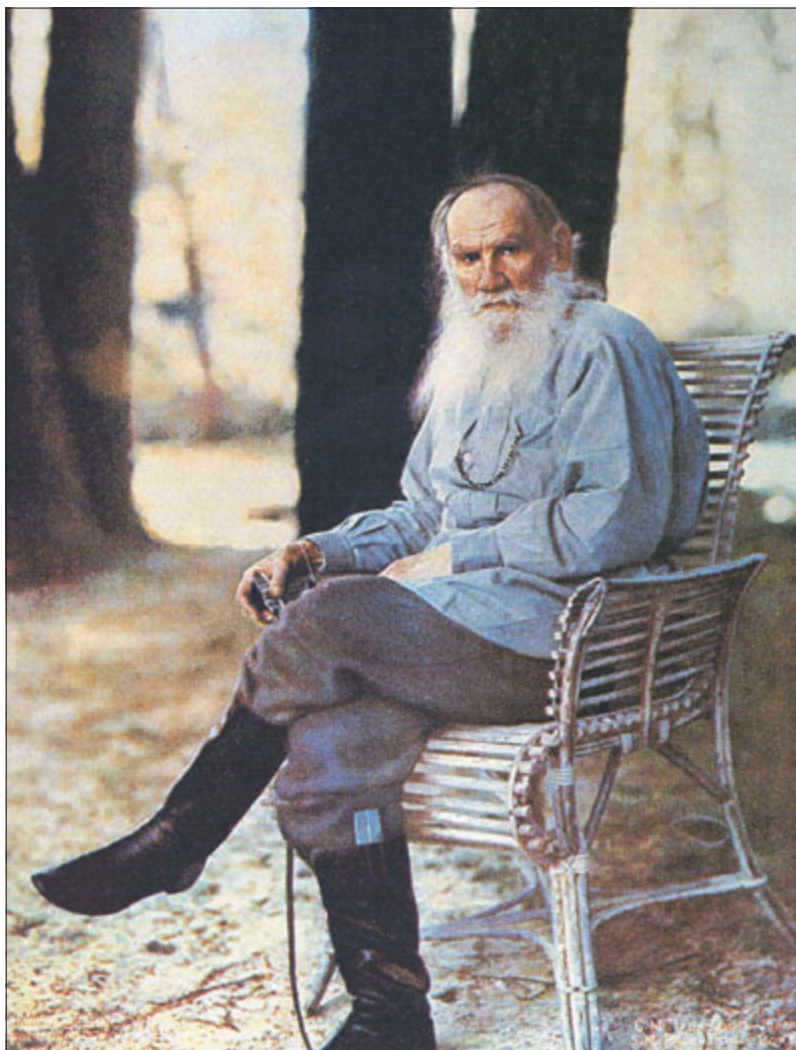
Озарённая солнцем, лучезарная, Ясная Поляна вмещает в себя огромный мир. Мир Толстого.

Народ бережно хранит Ясную Поляну — дом Толстого и в то же время дом «всехний», общий, потому что дом, где родились гениальные «Война и мир», «Анна Каренина», «Хаджи-Мурат», стал средоточием нравственной силы русского народа.

Каждый раз, когда подходишь к въездным башням Ясной Поляны, вспоминаешь, что когда-то они отделяли усадьбу от всего мира и призваны были служить символом дома-крепости и вельможного величия. И каждый раз, когда проходишь мимо них, они вызывают невольную улыбку: эти башни уже при жизни Толстого стали анахронизмом. Ворота усадьбы, как и двери дома, уже тогда были открыты для всех.

Этот дом слышал не только шелест листьев и пение предвечернего соловья; до него доносились голоса «грубые, звонкие, скрипучие, отзывающиеся Иоанном Грозным», врывались гул и стон народа. И надо слышать этот гул и стон, надо быть с народом. Только на этом пути можно найти счастье.

В открытые всегда и для всех двери Ясной Поляны пошли люди,

пошли в поисках истины, сочувствия, поддержки: и обездоленные крестьяне, бродяги, мастера, монахи; студенты, гимназистки; и анархисты, и революционеры; и крупные учёные, философы, и государственные деятели.

Они приходили сюда, потому что верили в искренность беспощадного к самому себе, но полного любви к другим, самозабвенно отдающего всего себя служению людям

человека. Они приходили и приходили... Так безвестное сельцо Ясное стало всемирно известной Ясной Полянкой, а владелец небольшой усадьбы стал Львом Толстым.

Ясная Поляна — это большой открытый дом, хозяин которого хотел, чтобы люди стали соучастниками его исканий, сотворцами его мыслей и надежд.

Не один из самых выдающихся людей своего времени, подъезжая к

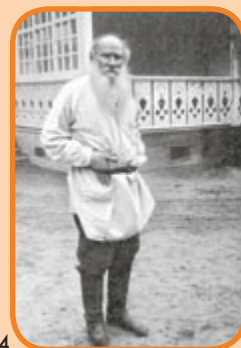
1

2

3

4

знаменитым яснополянским столбам, испытывал робость и нерешительность перед предстоящей встречей с великим Толстым. Через эти ворота-столбы проезжали Тургенев и Фет, Чехов и Горький, Короленко и Андреев, Репин и Нестеров, Танеев и Кони... Бунин вспоминает, как он из Орла верхом поскакал в Ефремов, в сторону Ясной Поляны, но испугался предстоящей встречи и развернулся назад. Горький рассказывает, что каждая встреча с Львом Толстым возбуждала в душе «ощущения и волнения огромные, фантастические»; подходя к нему,

он, как и многие, испытывал чувство восторженное и жуткое, но потом все сливалось в счастливую мысль: «Не сирота я на земле, пока этот человек есть на ней!»

Проходит десятилетие за десятилетием после смерти Толстого, и те же чувства волнения и нерешительности испытываем мы, люди конца XX столетия, когда входим под сень берёзовых аллей, будто вот-вот выйдет Толстой и заглянет своим пронзительным взглядом в глубины нашей души.

В тяжёлые годы войны советские люди не дали уничтожить,

осквернить, стереть с лица земли Ясную Поляну.

Она была для защитников Родины символом великой русской культуры.

В наше время Ясная Поляна, как в фокусе, сосредоточивает в себе всё лучшее, что есть в человеке, мысли и надежды людей, верящих в разум человека. Не может погибнуть человечество, не должен исчезнуть с лица земли род людской, потому что на земле жил Лев Толстой — человек человечества...

(Из книги
«Свет Ясной Поляны»)

5

6

7

8

9

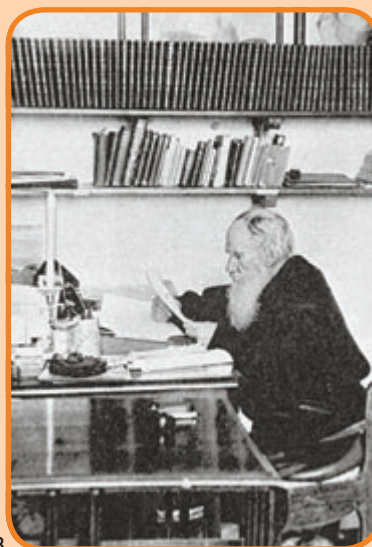
10

11

12

13

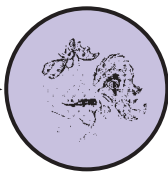
14

15

1. Л. Н. Толстой рассказывает сказку внукам Соне и Илюшке
2. С. А. Толстая, жена писателя
3. Старшие дети: Сергей, Лев, Татьяна, Илья
4. Л. Н. Толстой
5. Л. Н. Толстой в комнате «под сводами». Художник И. Е. Репин
6. Дочь Мария Львовна. Художник Н. Н. Ге
7. План дома, в котором родился Л. Н. Толстой. Рисунок Л. Н. Толстого
8. Спальня Л. Н. Толстого
9. Старшая дочь Татьяна Львовна. Художник И. Е. Репин
10. Окрестности Ясной Поляны
11. Могила Л. Н. Толстого
12. Кабинет писателя
13. Л. Н. Толстой за работой
14. Рабочий стол писателя
15. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

СКАЗКИ
ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК
И БРАТИШЕК

Лесной Хозяин

Капитолина Радионова
Художник О. Ионайтис

Последний осенний день выдался погожим, приветливым. Ветер — и тот стих. Подобрал хвост, свернулся калачиком и задремал в кустах черёмухи.

Румяное солнце обняло лес руками жаркими. Насквозь прокалило пышную шубу дородной густобровой ели. Добралось и до избушки Лесного Хозяина.

— Непорядок это — лесной народец будоражить! — заворчал он. — Будет нынче хлопот полон рот, а докуч — лукошко с верхом.

И принялся в дозор собираться. Лесовик за всех в ответе. Недоглядит — беда неминуемая навалится. Пропадёт зимой в стужу вертун-листотряс или озорница-дупляница...

Обулся в лапоточки липовые, лёгкие да удобные, чтобы ноги без усталости бегали. На голову бурую шляпу приспособил — как раз под цвет пожухлой травы. Длинную зелёную бороду огладил. Густые брови на глаза напустил. Для острастки. На

высокое крылечко вышел. Далеко окрест видно. Лес-то безлиственный, сквозной. Листождёр постарался.

Углядел старичок-Лесовичок кучу хвороста. В ней Лешак на зиму залёг. Пнями да колодами загородился. Юркие Дупляные в сухие дупла берёз и дубов попрятались. Мхом и сухой травой утеплились. Листотрясы да Лесавки в палых листьях зарылись.

Успокоился Лесной Хозяин. Отлегла забота от сердца.

Для порядка обошёл все поляны заветные, глухомани тайные, чащобы непролазные, завалы высокие. Никого не выманило обманчивое солнце!

Пора и самому в избушке затворяться.

Присел, как водится, напоследок на ольховой пенёк. Глаза шляпой прикрыл. Грел-грел на солнышке стариковские косточки и задремал незаметно. Сон одолел крепкий, усладный. Да недолгий. Разбудил гам ребячий. Голосишки тонкие,

писклявые, насмешливые. Сдвинул Лесовик шапку на затылок и обомлел. Вокруг пенька, на котором он сидел, кружилась босоногая стайка опят.

— Хи-хи-хи... Лесовик на пеньке уснул. Совсем старый стал!

Спрыгнул Лесной Хозяин на землю, в сердцах за хворостинку схватился: «Устрою вам баню, неслухи!»

Сердит Лесовик, да отходчив. Пожалел глупых несмышлёнышей. День-то к закату клонился. На небе облако соткалось. Пролётное. Сизое. К дождю, стало быть.

— А ну-ка, опятьки — грибные ребятки, по домам разбегайтесь, мхом укрывайтесь!

Не послушались озорники. Игру в прятки затеяли. По поляне разбежались.

Проснулся ветер. Сорвался с кустов черёмухи. Осенней дымкой солнце завесил. Из пролётного облака тучу смастерил, густо-синюю, дождливую. Погнал её по небу. Обронила изгнанница слёзы холодные.

Испугались опять. Игру бросили. К старичку-Лесовичку сбежались. Окружили: защиту ищут.

— Ножки озябли... Шляпки намокли...

Увёл Лесной Хозяин стайку опять под разлапистую ель. Принёс охапку травы и мха и укрыл бедолаг по самые шляпки. На всякий случай огляделся вокруг. Не нужна ли ещё кому помощь?

В лесу было пустынно и тихо. Лесовик стряхнул с окладистой бороды капли дождя и отправился в свою избушку коротать долгую-долгую зиму...

Вячеслав Свальнов

Художник В. Юдин

БУХТИНЫ

Про деда Пихто

На деда Пихто любят всё сваливать. Кто получил двойку? Кто разбил стекло? Кто не слушается? Ну кто?!!

Кто-кто, конечно же дед Пихто. И так уже тысячу лет, если не все две.

А этот дед Пихто, между прочим, никогда и в школе-то не учился. А если и учился, то так давно, что и двоек-то никаких ещё не было. Правда, вместо двоек розги были, но это же не двойки. Вот стёкол в окнах тогда точно не было, так что не мог их дед Пихто разбивать. И вообще дедушка Пихто очень послушный, просто он старенький, а пожилые люди часто туговаты на ухо.

А ещё у деда Пихто есть внук Былбылен, с языком до колен. Этот действительно сорванец, каких поискать: и двоек нахватать мастер, и окна побить — всё умеет. Но поскольку он очень маленький, про него никто ничего не знает, и все шишки достаются бедному дедушке.

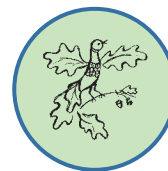
В общем, мы тут с ребятами подумали и решили, что это несправедливо, — каждый должен отвечать за себя. По возможности. А если нет такой возможности, лучше промолчи. А если и промолчать не получается, на вопрос «Кто?» отвечай:

— Я не знаю. Но это точно не дед Пихто.

И так будет по-честному. И взрослые, даже если они очень сильно огорчены, обязательно улыбнутся и простят. Только чур, про то, что у деда Пихто есть внук Былбылен с языком до колен, сразу не рассказывай — могут появиться другие проблемы.

Василий
Песков

ЗЕЛЁНЫЙ
ПАТРУЛЬ

Лесные границы

Границы, о которых пойдёт разговор, человеку чаще всего незаметны. Однако они существуют, строго соблюдаются, и если преднамеренно или случайно их нарушают, возникает конфликт. Но чаще всего предупредительных знаков бывает достаточно, чтобы чужак понимал: территория занята, подобиру-поздорову надо уйти.

Понаблюдайте за собакой, которую взяли с собой на прогулку. У приметных кустов, бугорков, пней собака непременно поднимет ногу и оставит отметку. Короткие остановки означают только одно: пёс «застолбил» свою территорию. И если для нашей собаки это только формальность, поскольку живёт она теперь не в лесу, то, например, для лисицы и волка поддержание своих границ в надлежащем порядке дело насущное. Иначе нельзя, вторжение чужака — это посягательство на охотничий участок, способный прокормить только одну семью. По той же причине бдительно стерегут свою территорию многие звери и птицы. А метит её каждый на свой манер.

Разрытые муравейники, помятые пни для любого медведя сигнал: территория занята! Но этого мало. Хозяин занятой территории делает на деревьях отметки лапой, причём стремится царапнуть возможно выше — «смотри, какой я большой, подумай, прежде чем сунуться». Австралийский заяц для маркировки границ имеет у подбородка пахучую железу. Потрогав железу лапами, заяц несколько раз обегает свои владения, оставляя знакомый каждому зайцу «пахучий заборчик». Птицы место, где они поселились, обозначают звуками. Одна из функций знакомого всем соловьиного пения — охрана занятой территории. И чем громче, внушительнее, гармоничнее песня, тем надёжней охрана.

У разных животных размер территории разный. У соловья это угол заросшей низины или

оврага. Медведя прокормит лесная площадь с поперечником километров в пятнадцать. Семье волков пространства надо намного больше. Морские птицы, охотничьи угодья которых безбрежны, у гнезда тоже имеют свою территорию (иногда менее одного квадратного метра).

Важно отметить: сигнальная система границ предназначена, главным образом, для животных своего вида. На одном участке леса могут жить, например, барсук, семейство лисиц, олени и кабаны — и никаких столкновений. У каждого из животных «свой стол», никто другого не объедает. Но стоит заглянуть в этот же лес, например, пришлому лисовину, как семейство лисиц встретит его в штыки — угрозы, острastки, и дело может дойти до схватки, причём, кроме силы, немалую роль сыграет «моральный фактор». Защищающий свой участок дерётся отчаянно. Это известно каждому, кто пожелает пренебречь пограничными знаками. И потому закон о границах чаще всего соблюдается. Но бывает, даже небольшие птицы зорянки из-за какого-нибудь куста ожесточённо дерутся. Бдительно стерегут свою территорию волки. Наша собака, сохранившая повадки этих зверей (своих предков), стережёт наш дом не из чувства сознательной

помощи человеку — она защищает свою территорию.

Место, где животные обитают, — это не просто «охотничьи угодья». Это хорошо обжитое зверем пространство. Не будет ошибкой уподобить лес, в котором живёт, к примеру, лисица или медведь, хорошо знакомому нам посёлку. В потёмках на память мы можем пройти в любое место посёлка, найти нужный дом, поворот. Таким же «посёлком» для зверей служит обжитый лес. Животным известны в «своём лесу» все укромные уголки. Известны кормовые места, солнечные поляны, известно, где и в какое время бывает вода, известно, где можно побыть беспечным, а где надо пробежать незаметно и надёжно укрыться. Звери в «своём лесу» хорошо привыкают к сожителям. Они знают: в этих кустах по ночам шуршат барсуки, на дереве у оврага любит посидеть филин, они привыкают к звукам скрипящего дерева, к стаду коров, облику пастуха. Звери не ходят в лесу беспорядочно, у них есть свои улицы и проспекты, точки наблюдения, переходы через ручьи, лазейки, доступные только им. Не случайно поднятые охотниками лиса или заяц не убегают куда глаза глядят. В местах незнакомых они теряются и потому спешат вернуться в обжитый, до последнего пня знакомый им лес.

Разумеется, закон территориальности действует не только в лесу. В степи, на болоте, в тундре, в горах, даже в воде животные держатся своих территорий. Сначала наблюдением рыбаков, а потом экспериментами, например, установлено: у щуки есть свои охотничьи угодья, она очень привязана к однажды избранной территории и не терпит появления в этом месте другого охотника.

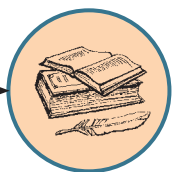
О том, как животные стерегут свою территорию, любопытно понаблюдать на примере всем известного зимородка (украинцы зовут эту птичку рыбалочка). В очень дружной семье зимород-

ков птенцов кормит мать. Отец в это время полностью занят охраной участка реки. Таким образом, половину энергии эта семья тратит на воспитание, а половину — на оборону своих угодий.

Есть у животных на обжитых участках места особенно ими любимые. На Мещёре я более месяца наблюдал на болоте бекаса. После кормёжки и брачных полётов отдыхать он садился всегда на одно и то же сухое дерево, на один и тот же сучок. На лесной опушке в районе аэродрома Внуково я много раз фотографировал сороку, и всегда на одном и том же телефонном столбе. Столбов вдоль опушки тянется много, но почему-то сорокам нравится именно этот. На острове Врангеля часто встречаешь побелённые совами камни. Весь остров — сплошные камни. Но для отдыха и наблюдений у каждой совы есть несколько особо любимых мест (возможно, они и служат пограничными знаками). В Африке я проверил: в самом ли деле у леопардов есть любимое дерево? Вечером, сделав немалый крюк, мы вернулись к акации, на которой утром спугнули зверя. И что же — мы снова увидели леопарда! Ничем особенно от других деревьев акация как будто не отличалась. Но почему предпочёл её леопард? Оглядев дерево хорошенько, мы заметили: ствол у него был немного наклонным (удобно затаскивать жертву), был на акации сук, на котором можно было дремать, оставаясь всё время в тени. На дереве был «этаж» для хранения пищи. Не спускаясь на землю, по большой горизонтальной ветке можно было свободно прогуливаться. С верхушки высокой акации километра на три-четыре хорошо просматривалась саванна... Стало быть, дерево не случайно стало любимым. Для пятнистого зверя это был дом с удобствами и наблюдательный пункт, откуда хорошо видно, что происходит на территории, которую леопард считает своей...

Как видим, есть на земле границы, человеку почти незаметные.

Владимир Волков
Художник П. Пинкисевич

Моргасик

Мы сидим за столом, держа ложки наготове. Сейчас бабушка достанет из печки миску с мятой картошкой и поставит её на середину стола.

С края стола — моргасик. Маленький пузырёк с фитильком. Вздрагивает крошечный огонёк. Вздрагивают и огромные тени на стене. От наших голов. А их шесть. Шесть сестёр и братьев. Родных и двоюродных, оказавшихся за бабушкиным столом в сорок первом году.

Сидим мы смиренно. Потому что стоит заводить-ся, огонёк затрепещет и, пустив тонкую струйку синего дымка, исчезнет. Тогда заворчит-заругается бабушка: спичек-то теперь не купишь. Мы это понимаем. И сами часто наказываем виновного. Тогда за столом начинается молчаливая возня. Слышно только пыхтение.

Всё, дождались. Заслонка отставлена в сторону, бабушка наклоняется и достаёт миску. И, держа её обеими рука-

ми, несёт к столу. Миска горячая, но бабушкины руки давно не чувствуют жара. Я видел не раз, как она даже угольки пальцами из печи выкапывала, чтобы самовар разжечь.

И вот тут-то, когда все ложки были вознесены над миской, мы услышали, как кто-то вбежал на крыльцо, прогремел в сенцах. Дверь распахнулась...

На пороге стоял красноармеец. Он шумно дышал. У него даже голова

поднималась и опускалась в такт дыханию.

— От самого... Киселёва... и всё бегом, — прерывисто проговорил он. Поставил в угол винтовку, снял пилотку и стал утирать лицо.

— Господи, Костюшка! — выдохнула бабушка и метнулась к двери.

Мы тоже выскочили из-за стола. В дрожащем свете моргасика мы разглядывали дядю Костю. Его трудно было узнать. Так он изменился. Хотя провожали его на фронт

совсем недавно. Он шёл впереди всех в белой рубаше, ведя под уздцы своего любимого Орлика. Обратно Орлика вела бабушка. Он всхрапывал и всё время оглядывался назад.

— Мамань, мне бы простоквашки. — Дядя Костя погладил себя по стриженной голове и улыбнулся.

Не сходя с места, он выпил целую крынку простокваши. Мы во все глаза смотрели, как медленно, донышком вверх, запрокидываясь она в его руках.

— Ну, вот теперь порядок, — сказал он. — Ну, а вы-то как тут без меня? — Он подмигнул. — Кокуйские не лупят?

Кокуй — соседняя улица.

— Нет! — хором ответили мы.

— Сейчас драться между собой — последнее дело, сейчас надо чтобы как один! — Он сжал кулак. — Ясно?

— Ясно! — хором ответили мы.

— Ну, а тогда бывайте! Я ж на минутку... только глянуть. — Он говорил коротко, отрывисто. — Еле уговорил взводного.

Мать, говорю, в двух километрах. Они большаком, а я лугом, напрямик. В Тырнове должен перехватить, а то...

И с этими словами он сгрёб бабушку, поцеловал её и, как неживую, усадил на лавку. И — в дверь.

— А немцев мы сюда не пустим! — крикнул он уже из сенцев.

Прогромыхал сапогами. Хлопнул дверью на крыльце. Огонёк моргасика вздрогнул, вытянулся в сторону чёрного проёма двери.

Нет, не погас он. До сих пор бьётся-трепещет в моей памяти его огонёк, освещаая лицо дяди Кости.

Я потом читал: защищая наши рязанские места, погибли целые полки. Это они были на марше в ту ночь. Погиб и мой восемнадцатилетний дядя.

Но слово своё он сдержал.

Ошибки

Художник В. Юдин

Мальчик был одет в штанишки с хозяйского плеча.

Мальчик катался с торки, как сыр в масле.

Вот уже забрюзжил рассвет.

У собаки были голубые глаза и розовые щёки.

У человека в футляре была амертия к жизни.

Те помещики, от которых крестьяне слышали добрые слова, были, как правило, писателями.

Я долго шёл, но не пришёл...

У Наташи Ростовской с Андреем Болконским был роман — «Война и мир».

Первые успехи Пьера Безухова в любви были плохие: он сразу женился.

Катерина была лучом света, а Кабаниха — лучом темноты.

По тогдашней моде Коробочка чесала мужу пятки, а себе пудрила мозги.

живой уголок

КРИЖ

В нашем дворе жила старая ворона с обвислым крылом. Все звали её Марусей. Она на это имя откликалась, бочком подсакивала и хватала угощенье. Собаки её не трогали, кошки обегали стороной, а старушки «покалеченную» подкармливали, думая, что летать не может. Только дед Максим её недолюбливал.

— Притворщица! — грозил ей ещё издали палкой. — Летает ведь, лиходейка, как бон-бан-ди-ров-щик.

А как-то я и сама увидела — Маруся летает. Она вдруг сорвалась с высокой ветки и — камнем вниз. Думаю: «Разобьётся!» Но птица припала на левый бок, взмахнула правым крылом и рванула вперёд.

— Говорил — летает, — оказался рядом дед Максим. — Сейчас до другого дерева дотянет.

И дотянула. Даже гнездо свила на самой макушке тополя — не хуже других ворон. Я видела гнездо снизу, а что внутри делается, узнать не удавалось. И вдруг разбудил меня как-то утром вороний крик. Выглянула в окно, вижу — на заборе Маруся крыльями машет и во всю глотку каркает, а под забором воронёнок скачет. Сразу поняла, что её детёныш, и бегом во двор. Сняла с себя кофту, ею воронёнка накрыла. Он и через кофту за пальцы хватает, а над головой Маруся кружит.

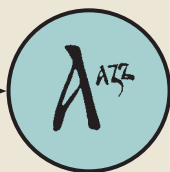
— Глупая, — говорю ей. Но она меня до подъезда преследовала и пару раз по затылку крылом поддала.

Принесла я воронёнка домой, поселила на подоконнике. Он быстро освоился и по всей квартире за мной расхаживать принялся. Я — в кухню, и он — в кухню, я в ванную — и он в ванную. Только с воронами мне мыться не в привычку, и перед его длинным носом дверь захлопывалась. От возмущения он начал так громко по-вороньи ругаться, что как-то сосед спросил меня: «Что за крикун у вас поселился?» И воронёнка прозвали Крикуном.

К вечеру Крикун затихал. Наохлится в уголке окна и смотрит через стекло, как гаснут последние лучи солнца. Когда воронёнок научился летать, я стала оставлять окно приоткрытым, но он будто не замечал. Так бы, наверно, и зазимовал, но отыскала-таки его Маруся. Прилетела, уселась на створку форточки, долго рассматривала сыночка, что-то объясняя ему на своём языке. А тот только головой крутил.

На третий день уговорила-таки она его вернуться к настоящей вороньей жизни. Осмелел он, взмахнул крыльями и вылетел из окна.

Весёлая буква

Встретилась вам в книге фраза: «Шапка у него набекрень, сам ходит фертом». Набекрень — это ясно: шапка сдвинута набок, лихо заломлена. А что такое «фертом»? Это значит — подбоченясь, упершись руками в бока, как это обычно делают, собираясь пуститься в пляс. В такой позе человек очень похож на букву *ф*, а буква *ф* в славянской азбуке и называлась «ферт». Отсюда и выражение — *ходить фертом*.

В русском языке звук *ф* слышится часто, например в словах *травка* (трафка), *кровь* (крофь), но этот звук не что иное, как звук *в*, только оглушённый, и на письме мы его всё-таки передаём буквой *в*, ибо перед гласными он звучит ясно: *трав*а, *кров*яной. И если уж в корне слова *трав*а, *трав*е, *трав*у мы пишем букву *в*, то нет смысла в одном только случае «трафка» писать *ф*. Это внесло бы разноту в правописание.

Слов же с «чистым» звуком *ф* в русском языке раз-два, и обчёлся: *уф*, *тьфу*, *фи*, *фыркнуть*, *фукнуть* — и всё. Это просто возгласы, какие-то междометия, не более. Ну, а та-

кие, как: *фу-ты ну-ты*, *фигли-мигли*, *фифа* и им подобные, и в расчёт брать нельзя. Для чего же, спрашивается, нужна буква *ф* и как она попала в наш алфавит?

Составитель славянской азбуки ввёл букву *ф* только потому, что она была в грече-

ском алфавите. В русском языке ей почти нечего было делать. Но впоследствии работа ей нашлась. Она стала как бы «переводчицей» с иностранных языков. Попадёт к нам чужое слово со звуком *ф* — буква *ф* тут как тут и уже передаёт этот звук. Загляните-ка в словарь: все слова с буквой *ф* (*факел*, *фата*, *фокус*, *фонарь*, *лифт*, *кофе*, *фотография* и др.) — это чужеземцы. Но слов у нас таких сравнительно немного.

На рынке

Тебе нужно купить на рынке фрукты и овощи, но ещё слишком рано, и продавец не успел повесить ценники. Попробуй ему помочь.

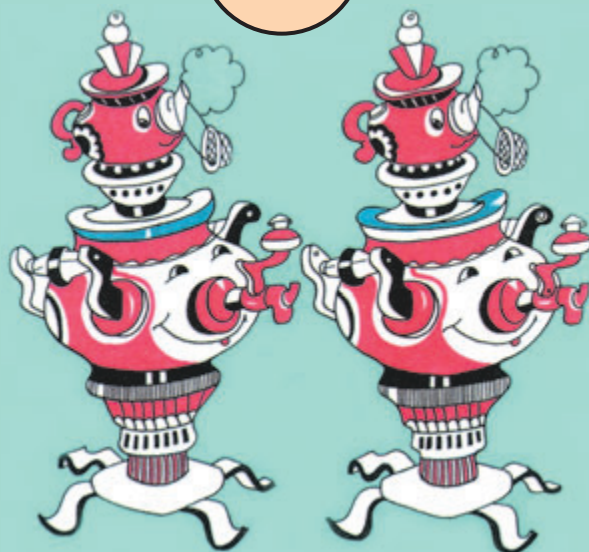
Ты знаешь, что:

- 1 килограмм картофеля и 1 килограмм помидоров стоят столько же, сколько 1 килограмм бананов.
- 3 килограмма моркови стоят столько же, сколько 1 килограмм винограда.
- Помидоры в четыре раза дороже картофеля.
- 5 килограммов винограда стоят столько же, сколько 10 килограммов яблок.
- Сумма цен килограмма всех фруктов (яблок, груш, бананов, винограда) в три раза больше, чем сумма цен овощей.

Ответ см. в следующем номере.

Найдите пять отличий.

Я познакомился с ним в Москве, в конце девяносто пятого года. Видались мы тогда мельком, и я не упомянул бы об этом, если бы мне не запомнилось несколько очень характерных фраз его.

— Вы много пишете? — спросил он меня однажды.

Я ответил, что мало.

— Напрасно, — почти угрюмо сказал он своим низким грудным баритоном. — Нужно, знаете, работать... Не покладая рук... всю жизнь.

И, помолчав, без видимой связи прибавил:

— По-моему, написав рассказ, следует вычёркивать его начало и конец. Тут мы, беллетристы, больше всего врем...

После таких мимолётных встреч и случайных разговоров, в которых были затронуты любимые темы Чехова — о том, что надо работать «не покладая рук» и быть в работе до аскетизма правдивым и простым, — мы не виделись до весны девяносто девятого года. Приехав на несколько дней в Ялту, я однажды вечером встретил Чехова на набережной.

В Москве, в девяносто пятом году, я увидел человека средних лет, в пенсне, одетого просто и приятно, довольно высокого, очень стройного и очень лёгкого в движениях. Встретил он меня приветливо, но так просто, что я — тогда ещё юноша, не привыкший к такому тону при первых встречах, — принял эту простоту за холодность. В Ялте я нашёл его сильно изменившимся: он похудел, потемнел в лице; во всём его облике по-прежнему сквозило присущее ему изящество, однако это было изящество уже не молодого, а много пережившего и ещё более облагороженного пережитым человеком. И голос его звучал уже мягче... Но в общем он был почти тот же, что в Москве: приветлив, но сдержан, говорил довольно оживлённо, но ещё более просто и кратко, и во время разговора всё думал о чём-то своём, представляя собеседнику самому улавливать пе-

Иван Бунин О Чехове

ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

И. Бунин

реходы в скрытом течении своих мыслей, и всё глядел на море сквозь стёкла пенсне, слегка приподняв лицо...

На другое утро после встречи на набережной я поехал к нему на дачу. Ясно помню это весёлое солнечное утро, которое мы провели с Чеховым в его садике. Он был очень оживлён, много шутил и, между прочим, прочитал мне единственное, как он говорил, стихотворение, написанное им, — «Зайцы и китайцы, басня для детей». И с тех пор я начал бывать у него всё чаще и чаще, а потом стал и совсем своим человеком в его доме. Сообразно с этим, конечно, изменилось и отношение ко мне Чехова. Оно стало оживлённее, сердечнее... Но сдержанность осталась; и проявлялась она не только в обращении со мной, но и с людьми, самыми близкими ему, и означала она, как я убедился потом, не равнодушие, а нечто гораздо большее...

Белая каменная дача в Аутке, под южным солнцем и синим небом; её маленький

садик, который с такой заботливостью разводил Чехов, всегда любивший цветы, деревья и животных; его кабинет, украшением которого служили только две-три картины Левитана да огромное полукруглое окно, открывавшее вид на утонувшую в садах долину реки Учан-Су и синий треугольник моря; те часы, дни, иногда даже месяцы, которые я проводил в этой даче, и то сознание близости к человеку, который пленял меня не только своим умом и талантом, но даже своим суровым голосом и своей детской улыбкой, останутся навсегда одним из самых лучших воспоминаний моей жизни. Был и он настроен ко мне дружески, иногда почти нежно. Но та сдержанность, о которой я упомянул, не покидала его даже в самые задушевные минуты наших разговоров. И она была во всём.

Он любил смех, но смеялся своим милым, заразительным смехом только тогда, когда кто-нибудь другой рассказывал что-нибудь смешное: сам он говорил самые смешные вещи без малейшей улыбки. Он очень любил шутки, нелепые прозвища, мистификации; в последние годы, как только ему хоть ненадолго становилось лучше, он был неистощим на них; но каким тонким комизмом вызывал он неудержимый смех! Бросит два-три слова, лукаво блеснёт глазом поверх пенсне... А его письма! Сколько милых шуток было в них всегда, при их совершенной спокойной форме!

...Ночь была тёплая, тихая, с ясным месяцем, с лёгкими белыми облаками, с редкими лучистыми звёздами в голубом глубоком небе. Экипаж мягко катился по белому шоссе, мы молчали, глядя на блестящую тусклым золотом равнину моря. А потом пошёл лес с лёгкими узорами теней, похожими на паутину, но уже по-весеннему нежный, красивый и задумчивый. Потом зачернели толпы кипарисов, возносившихся к лучистым звёздам. И когда мы оставили экипаж и тихо пошли под ними, мимо голубовато-бледных в лунном свете развалин дворца, Чехов внезапно сказал мне:

— Знаете, сколько лет ещё будут читать меня? Семь.

— Почему семь? — спросил я.

— Ну, семь с половиной.

— Нет, — сказал я. — Поэзия живёт долго, и чем дальше, тем сильнее.

Он ничего не ответил, но когда мы сели где-то на скамью, с которой снова открылся вид на блестящее в месячном свете море, он скинул пенсне и, поглядев на меня добрыми и усталыми глазами, сказал:

— Поэтами, милостивый государь, считаются только те, которые употребляют такие слова, как «серебристая даль», «ак-

А. Чехов

корд» или «на бой, на бой, в борьбу со тьмой!».

— Вы грустны сегодня, Антон Павлович, — сказал я, глядя на его простое, доброе и прекрасное лицо, слегка бледное от лунного света.

Опустив глаза, он задумчиво копал концом палки мелкие камешки, но когда я сказал, что он грустен, он шутливо покосился на меня.

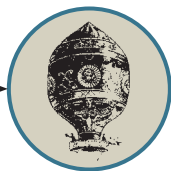
— Это вы грустны, — ответил он. — И грустны оттого, что потратились на извозчика.

А потом серьёзно прибавил:

— Читать же меня будут всё-таки только семь лет, а жить мне осталось и того меньше: шесть. Не говорите только об этом одесским репортёрам.

На этот раз он ошибся: он прожил меньше.

Умер он спокойно, без страданий, среди тишины и красоты летнего рассвета, который так любил всегда.

ВРАТА

КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Чудные ворота, именуемые от надвратной иконы Воскресения Христова Воскресенскими, а от чудотворной иконы Иверской Божией Матери в часовне ворот — Иверскими, — это вход на Красную площадь, главную площадь нашей Родины.

Ещё со времен существования московского Китай-города они служили входом с Тверской улицы в так называемый «Город», где Гостиный двор (нынешние торговые ряды ЦУМа) кипел торговой и купеческой жизнью. Ворота эти были снесены в 1934 году — и только сегодня восстановлены. Сей-

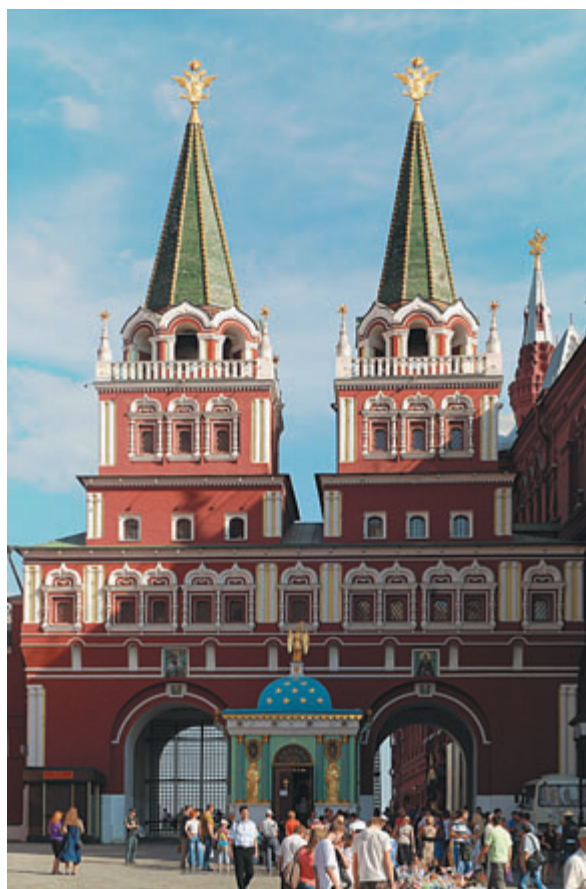
час они восхищают нас своей декоративной красотой, а между тем ещё до недавнего времени сохраняли они все признаки оборонного рубежного укрепления. Вот воспоминания человека, описывавшего ещё не разрушенные ворота в 1909 году: «Ворота сии складены из тяжеловесного кирпича, с железными связями и закрепками; в толстых стенах у обоих проездов ещё уцелели пробои от двойных ворот, а в арках прорези для опускных решёток, коими запирались сии проезды. Под зубцами воротных стен ещё уцелели осадные стоки, через кои осаждённые лили в неприятеля кипятки, растопленную смолу, серу и свинец. В двух палатках и в двух над ними осьмигранных башнях прежде помещались огнестрельные орудия, или так называемый «огненный бой»; стояли пушкеры и стрельцы на случай нападения врагов и осады».

Посмотрите на иллюстрацию и представьте себе, как стояли защитники города на их стенах.

Бесценное украшение Иверских ворот составляет Божественный лик святейшей «Вратарницы» — иконы Иверской Божией Матери, одной из наиболее чтимых и любимых святынь Москвы и России.

Сам подлинник чудотворной иконы много веков хранится в Иверском монастыре Святой Горы Афон — земном уделе Пресвятой Богородицы.

Впервые точный список с Иверской иконы Божией Матери, именуемой также «Благая Вратарница» по месту пребывания у надвратного храма Иверского монастыря, был привезён в Москву 13 октября 1648 года, по просьбе будущего Патриарха Всероссийского Никона. Икона эта была точным подобием афонской своей величиной,

рисунком и письмом. На правой её ланите изображена язва, нанесённая святому лику одним варваром, — она источала кровь.

Святую икону торжественно встречали царь Алексей Михайлович, Патриарх Иосиф, духовенство и великое множество народа. Её поместили на Воскресенских воротах, а затем перенесли в каменную часовню у ворот. Икона прославилась множеством чудес и исцелений, которые записывались в особую книгу. Нескончаемым потоком верующие люди приходили к Иверской святыне, чтобы помолиться и получить благословение на свои труды. Цари и царицы, въезжая в Москву, прежде Кремля шли в Иверскую часовню, здесь же царственных посетителей ждали толпы москвичей, приветствуя их. До революции в память об изгнании неприятеля из Москвы в 1812 году каждый год в октябре совершался Крестный ход, шествовавший из Кремля к Иверской часовне, откуда выносили Святой образ и обносили его вокруг стен кремлёвских.

С Иверской иконы был сделан ещё один список, который носили по домам, чтобы благословить болящих, удручённых старостью или терпящих какую-то напасть. Они призывали святую в дома свои для молитвословия, для утешения в горестях, для врачевания недугов и для освящения жилищ своих. Именно этот список, чтимый и намоленный, сохранился и был перенесён в храм Воскресения Христова в Сокольни-

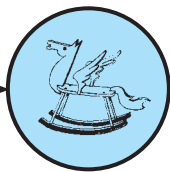
Тропарь¹ Иверской иконе Пресвятой Богородицы

От святыя иконы Твоея,
о Владычице Богородице,
исцеления и цельбы
подаются обильно с верою
и любовию приходящим к
Ней. Тако и мою немощь
посети и душу мою
помилуй, Благая, и тело
исцели благодатию
Твоею, Пречистая.

¹ Тропарь — песнь, кратко изображающая жизнь Святого или историю праздника.

ках, где пребывает и поныне. Варварски разрушены были в 1934 году Воскресенские ворота и Иверская часовня, а великая русская святыня — Иверская икона — утрачена, её местонахождение неизвестно. И потому в сентябре 1995 года Святейший Патриарх Алексий II направил послание настоятелю Иверского монастыря на Афоне с просьбой о написании для русских православных христиан нового списка со святой иконы «общей нашей Заступницы Богоматери Вратарницы». По благословению настоятеля и при усердных молитвах иверских иноков в кратчайший срок икона была написана талантливым и благочестивым иконописцем Лукой. Её торжественно доставили в Москву, и 26 октября (13 по старому стилю), в день праздника в честь Иверской иконы Божией Матери, Крестный ход со святой иконой прошел от Казанского собора через восстановленные в прежнем великолепии Воскресенские ворота к Иверской часовне. Святейший Патриарх совершил чин освящения Иверской часовни и Воскресенских ворот. Отныне Иверский образ Пресвятой Богородицы вновь обрёл своё историческое место в самом центре первопрестольной Москвы, ибо отнюдь не случайно наши предки с благоговением и трепетом именовали Русь «Домом Божией Матери», которая многократно приходила на помощь русскому народу в трудные моменты истории нашего Отечества...

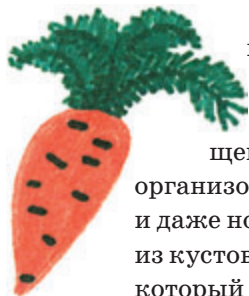

Рубрика «Зелёный патруль» заинтересовала наших читателей. Мы получаем отклики на эту тему. Наши давние друзья, ученики Зареченской СОШ Одинцовского района Московской области и их учительница Смирнова Ольга Леонидовна, прислали подборку материалов о животных и природе.

Петрушкова Евгения

Воришка

Это случилось летом на даче, во время летних каникул. Однажды, проснувшись утром, мы увидели объединенные кусты помидоров и поняли, что у нас в огороде кто-то был.

На следующее утро пострадала морковь. Мы попытались выследить виновника, но за весь день он так и не появился. Увидев утром, что овощей становится всё меньше, мы решили организовать дежурство на огороде. Весь день и даже ночь прошли спокойно, лишь под утро из кустов неожиданно показался серый гость, который быстрыми прыжками направлялся к кустикам морковки. Совместными усилиями через час воришка был пойман. Выяснилось, что это был кролик нашего соседа.

Узнав о нашем приключении, дядя Володя подарил кролика мне. Я назвала его Воришка. Мы построили ему специальный домик, в котором он и прожил до конца лета. На зиму мы отдали кролика дяде Володе. Я с нетерпением жду лета, чтобы увидеть, как вырос мой Воришка.

Власов Михаил

Случай с телёнком

В прошлом году я поехал на летние каникулы к бабушке в деревню. У нас там есть телёнок Борька.

Однажды, когда Борька пасся на лугу, бабушка попросила меня отнести ему ведро с питьём. Когда я пришёл туда и дал Борьке ведро с водой, он засунул свою мордочку в ведро, а вытащить не может. Он пытался-пытался, но ничего не получалось у нашего телёнка. Он поднял голову и вылил все остатки воды, а ведро так и осталось у него на голове.

Я решил довести Борьку до дома, чтобы развязать верёвку и снять ведро, но он не дался и побежал. Хорошо, что я держал его и не дал ему совсем убежать, потому что боялся, что наш телёнок потеряется. Но он оказался сильнее меня. Я даже упал, но всё равно старался как можно крепче держаться за него. Тут я увидел, что мимо проезжает мужчина на лошади, он решил мне помочь. Он остановил Борьку, помог мне встать, взял верёвку, намотал её на руку и снял ведро с головы телёнка.

Тихонов Павел

Храбрая Машка

У нас на даче жила кошка по кличке Машка. Это очень красивое, но пугливое создание. Она боялась всего: людей, машин, громких хлопков, взрывов петард и даже снега. Но больше всего она, как и любая другая кошка, боялась собак!

Однажды весной у Машки появились три котёнка. Они были ещё слепыми, и шерсти у них не было. Когда котята немного повзрослели, я и Машка решили взять их на прогулку. Мы пришли на лесную опушку, и я выпустил котят немного поиграть на травке и присел на пенёк, чтобы понаблюдать за ними. Котята от души веселились. Машка пристально смотрела за ними, как будто чувствуя опасность.

Вдруг из кустов выскочила соседская собака. Этого огромного бойцовского пса боялся даже я! Он приближался к котяткам. Ужасная развязка была неминуема! Вдруг Машка выпустила когти и прыгнула на обидчика! От неожиданности пёс повалился на землю, а как только встал, припустился бежать через лес так, что даже кусты затрепали.

Котята долго вылизывали свою маму, как будто в благодарность за спасение. Вот как «трусливая» Машка рисковала жизнью за своих детей.

1

2

НАШ ВЕРНИСАЖ

«Осеннее огарование...»

3

4

1. **Динара Ахметшина**, 14 лет, г. Лениногорск, Татарстан
2. **Света Косовская**, 14 лет, г. Саяногорск, Хакасия
3. **Вера Максимова**, 13 лет, г. Северск, Томская обл.
4. **Максим Гунчик**, 13 лет, г. Магнитогорск
5. **Катя Корнева**, 12 лет, пос. Новоенисейск, Красноярский край
6. **Наташа Мещерова**, 13 лет, г. Магнитогорск
7. **Роман Перескоков**, 10 лет, г. Сибай, Башкортостан. (Батик)
8. **Вика Фоминых**, 12 лет, пос. Новоенисейск, Красноярский край

5

6

7

8

ИГРОТЕКА:
На рынке

«Нет выше наслаждения созерцания природы. Земля
ведь рай — и жизнь тайна, прекрасная тайна. Да, тайна.
Прославляйте жизнь. Художник — тот же поэт».

А. Саврасов

А. Саврасов. Просёлок. 1873 г.

УГОЛОК РОССИИ:
Свет Ясной Поляны

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Крикун

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ:
Лесные границы